

«Утверждаю»
и. о. проректора по научной
работе и информатизации

М. Ю. Пучков
« 02 » мая 2017 г.

Отзыв

ведущей организации о диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 («Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»): Ульянов М.В. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности. М.: Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2017. - 218 с. (с прилож.)

Сложившаяся к настоящему времени ситуация с проявлениями экстремистского характера может быть однозначно охарактеризована как исключительно острая, неблагоприятная. Об этом свидетельствует кровавый террористический акт в петербургском метро (3 апреля 2017 г.) и последующие дерзкие нападения на сотрудников силовых ведомств, ясно показывающие, что в России существуют разветвленные националистические сети, члены которых отнюдь не собираются сидеть в глубоком подполье и заниматься лишь религиозным просветительством. Их боевые (штурмовые) отряды стремятся перехватить инициативу, нанося неожиданные и весьма болезненные удары по государственным учреждениям, транспортной инфраструктуре и скоплениям граждан.

А террористическая преступность, как подчеркивается в рассматриваемой диссертации (с. 41) в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» — суть важнейшее проявление экстремизма. Мощным источником религиозного экстремизма служат многомиллионные и плохо контролируемые миграционные истоки, по своим масштабам стремящимся к Великому переселению народов IV-VII веков, перекроившее этно-политическую карту Европы.

Сказанное в достаточной мере подтверждает научную, а главное — практическую значимость (актуальность) избранной диссертантом темы.

По понятным причинам обрисованные проблемы подвергаются интенсивному изучению, в том числе в формате кандидатских и докторских диссертаций (с.5-6), что не помешало соискателю достичь существенной научной новизны в своих суждениях, оценках, выводах и даваемых рекомендациях.

Сделано это за счет анализа значительного объема достоверных сведений о миграционных процессах в России и за ее рубежами, в том числе самостоятельно полученных автором в ходе опроса 386 работников прокуратур тех регионов, которые в значительной мере поражены националистическим экстремизмом — г. Москва, Татарстан, Ставропольский край, а также изучения 120 приговоров судов о преступлениях экстремистской направленности (с. 9 и далее по тексту). Отраден тот факт, что эти сведения представлены не только в виде фрагментарных ссылок, но и целиком, что дает возможность другим исследователям темы дать собственную их интерпретацию (приложения 1-5, с. 199-216).

Полученные результаты имеют немалую научную и практическую значимость, в том числе в сфере нормотворчества (см., в частности, авторский проект Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и пояснительную записку к нему — приложение 6, с. 216-218). Эти результаты уже используются в ряда высших учебном процессе учебных заведений, прежде всего в Академии Генеральной прокуратуры РФ.

Автор не упустил тех больших возможностей по апробации результатов своего исследования, которые открывают проживание в столице и служба в одном из ведущих юридических вузов страны, не игнорируя при этом и другие научные центры России (с. 15-16). Достаточно полное представление об этих результатах дают опубликованные научные статьи, пять из которых размещены в ведущих рецензируемых журналах, указанных в перечне ВАК Минобрнауки РФ (с. 32-33 автореферата).

Диссертация и автореферат, дающий адекватное представление о ее

содержании, написаны хорошим литературным языком и почти лишены стилистических и орфографических погрешностей, а также опечаток.

Обоснованы и потому убедительны большинство положений, выносимых на защиту (прежде всего 1-е, 3-е, 7-е, 9-е — с. 10, 11, 13, 14), а также сделанные в их развитие суждения, умозаключения и констатации.

Так, уже во введении отмечается, что лишь 58,8 % «опрошенных работников прокуратуры... считают неконтролируемые потоки миграции одной из главных причин этнической и межнациональной напряженности» (с. 5). Эта недооценка характерна прежде всего для внутренних миграционных потоков, криминогенное значение которых никто не отменял. Не случайно, что громкие межнациональные конфликты, о которых идет речь в диссертации, вызваны издержками не внешней, а, как раз, внутренней миграции, преимущественно из пораженных экстремизмом, терроризмом и сепаратизмом республик Северного Кавказа (с. 101, 103, 174 и др.).

Указанная беспечность (выливающаяся порой в дисциплинарные и даже уголовные правонарушения сотрудников правоохранительных ведомств) процессуально выражается в необоснованной материалами уголовных дел переквалификацией экстремистских мотивов содеянного на хулиганские (с. 43-44, 127). В результате должной уголовной репрессии, к примеру по статьям 280 и 282 УК РФ подвергаются, как правило, лишь профаны, занимающиеся бесхитростной пересылкой видеороликов, фотографий, плакатов экстремистского содержания, «не владеющие навыками использования... конспирации и анонимного нахождения» в сетях Интернета. «... Непосредственные же авторы экстремистских материалов и лица, инициировавшие вброс экстремистских материалов..., часто не устанавливаются» (с. 47-48).

Пресловутой толерантности подвержены и судьи. Поэтому в выносимых ими «приговорах такие характеристики пострадавших как гражданство и национальность, достаточно часто завуалированы» (с. 55-56).

Между тем как субъекты экстремистской деятельности, так и потер-

певшие от нее о своей национально-религиозно принадлежности и родовых корнях забывать», как правило, не собираются. Посему названные личностные признаки подлежат тщательному научному анализу и надлежащему учету в следственной, прокурорской, судебной и пенитенциарной практике.

Немалый интерес в этой связи представляют собранные соискателем данные о криминальной активности и, соответственно, виктимной предрасположенности узбеков (с.56, 74, 106, 109, 113, 176). Характерно в этой связи, что к вышеупомянутому теракту в Санкт-Петербурге оказались причастны этнические узбеки из региона Оша — Джелалабада (Киргизия).

Автора обосновано тревожит формирование замкнутых анклавов (диаспор) переселенцев во многих городах и местностях России (с. 92, 150-151, 155-156, 178). Как показывает европейский и американский опыт, места компактного проживания иммигрантов (и что очень важно — их потомков во втором и даже третьем поколениях) зачастую становятся рассадниками радикальных религиозных (псевдорелигиозных) учений, расовой и национальной нетерпимости, терроризма, бандитизма, наркобизнеса и проституции. К сожалению, в работе ни слова не сказано об этнической преступности цыган, борьба с которой чрезвычайно затруднена, в том числе из-за страха правоохранителей перед обвинениями их самих в ксенофобии.

Следует поддержать авторское предложение о наделении прокурора полномочиями по принятию решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», а также сетевых адресов в Единый реестр, позволяющий блокировать информацию, направленную на разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды (с. 167-168), а также его рекомендацию о дополнения перечня лиц, подлежащих гласному административному надзору, за счет не ставшей на путь исправления части освобожденных из мест лишения свободы экстремистов (с. 168).

Рассматриваемая диссертация и имеет ряд иных достоинств, на которые, как можно надеяться, обратят внимание другие рецензенты.

Вместе с тем она не свободна от некоторых несовершенств и спорных положений. Укажем на основные из них.

1. Даже полная реализация предлагаемых автором мер по блокированию незаконной миграции не может, по нашему убеждению, привести к коренному изменению криминологической ситуации в этой сфере. Здесь нужны подлинно стратегические, не стандартные и смелые решения.

Нельзя сказать, что диссертант не пытался найти решения такого уровня — не случайно он цитирует, скажем, Стратегию противодействия экстремизму в РФ до 2025 года, утвержденную Указом Президента страны от 28 ноября 2014 г. (с 142-143, 148-150). Вызывает, однако, удивление игнорирование им Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента России 31 декабря 2015 г. № 683, пункты 22 и 26, который полностью охватывается ракурсом исследуемой проблемы.

Однако названные Стратегии и другие руководящие директивы умалчивают главное — каким образом Россия может гарантировать себе сохранение территориальной целостности и государственного суверенитета в условиях перманентного нарастания внешних и внутренних угроз (среди которых, хотя и не главное место, занимает глобальная миграция, причем не только незаконная).

На наш взгляд, эта гарантия есть, хотя ее достижение многим покажется совершенно утопичным. Это восстановление могучей евразийской державы в границах 1945 (а, может быть и 1914) года. В противном случае оставшаяся часть России рано или поздно будет полностью измотана непрерывными конфликтами с псевдонезависимыми государствами, образовавшимися на территории бывших союзных республик. Нельзя исключить и широкомасштабной агрессии стран НАТО (а, может быть и не только их) с территорий этих образований (прежде всего Прибалтики, Украины, среднеазиатских республик).

Конечно, это возрожденное государство должно учесть просчеты (как раз стратегические) в проведении своей национальной политики. Если

Российскую империю называли «тюрьмой народов», то советское руководство, напротив, проводило на национальных «окраинах» самоубийственную для государственного единства политику заигрывания с местными «элитами», не замечая расцвета национализма, русофобии и даже профашистских настроений (та же Прибалтика, Западная Украина).

Воссоздание союза веками населявших Россию народов вызовет, без всякого сомнения, бешеную злобу наших геополитических противников. Но они и так уже обвиняют нынешнюю российскую власть в подобном реваншизме. Поэтому лучше поставить эту цель открыто, рассчитывая крепнущие центростремительные силы. Это обеспечит всенародную поддержку такому курсу, сплотит народные массы, погасит социальные, национальные и раздоры, решит в целом рассматриваемую проблему хотя бы за счет того, что миграционные потоки из внешних превратятся во внутренние, гораздо более контролируемые.

2. Вызывает сомнение развиваемое в диссертации объяснение причин бурного оживления миграционных процессов «появлением феномена трудовой миграции» (с. 27, а также 59, 61, 73, 147, 153, 174 и др.).

Смеем в этой связи утверждать, что в России нет дефицита рабочей силы, во всяком случае острого. Конечно, официальный уровень безработицы мизерен — на 22 июня 2016 г. в центрах занятости состояло на учете всего 991 тыс. человек. Однако по признанной методике МОТ сейчас в Российской Федерации не менее 4 млн (!) безработных, а всего не имеют официального трудоустройства свыше 25 % экономически активного населения — не менее 20 млн человек! Конечно, среди этих двух десятков миллионов не только безработные, но и лица, занятые в т.н. «теневой» экономике. Надо вывести эти многомиллионные массы из пресловутой «тени», обязать их самих и работодателей платить налоги в государственную казну.

Почему же тогда капиталисты (их у нас стыдливо именуют «бизнесменами») так охотно прибегают к труду таджиков, узбеков, киргизов, молдаван и украинцев?

Ответ известен и не специалистам — им выгоден такой труд ввиду возможности платить по минимуму и пользоваться бесправием большинства мигрантов, некоторые из которых фактически обращены в рабство (свидетельством тому факты гибели некоторых из них при пожарах и других несчастных случаях в местах их концентрации в той же Москве и других городах).

Вот и надо обуздать (в том числе и за счет уголовной репрессии) непомерные аппетиты таких работодателей, вольно или невольно возбуждающих социальную и национально-религиозную ненависть эксплуатируемых ими людей, а также той части коренного населения, которое лишается средств достойного существования.

2. Соискатель демонстрирует неоправданную бесстрастность, приводя примеры из практики, свидетельствующие о грубых нарушениях уголовного закона следователями и судьями по делам о преступлениях экстремистской направленности.

Показательно в этом отношении уголовное дело в отношении М., уроженца Азербайджана, осужденного по приговору Санкт-Петербургского городского суда от 18 февраля 2013 г. за ряд преступлений. По одному из эпизодов было установлено, что осужденный в ходе конфликта с посетителем кафе ударил Е. головой в челюсть. «Выйдя на улицу, ... стал размахивать ножом, пытался нанести удары, оскорблял по национальному признаку. [...] Посетителям... удалось предотвратить избиение Е., а М., пообещав, что привезет 200 человек, которые будут их убивать и, вновь высказав оскорбление в отношении присутствующих, уехал. Через некоторое время к кафе приехали три машины, из которых вышли лица кавказской национальности с битами... М. вышел вперед и заявил, что приехал их убивать, после чего началась массовая драка, в ходе которой лица кавказской национальности высказывали угрозы и оскорбления в адрес присутствующих русских людей. Потерпевшему Д. была прострелена нога» (с. 110)

Как же поступает в этом случае авторитетный суд? Он *исключает* из

обвинения п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ «как излишне ошибочно вменённое» (там же), оставляя ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Между тем четко просматривается принципиально иная квалификация — покушение на убийство при отягчающих обстоятельствах (п.п. «ж», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а также склонение (как минимум) к массовым беспорядкам (ч. 1¹ ст. 212 УК РФ). Автор, вероятно, склонен согласиться с подобной оценкой (иначе зачем он привел этот вопиющий пример попраiania материального, да и процессуального уголовного права?), но предпочел об этом умолчать.

А ведь именно такие следственные и судебные решения не только не гасят конфликты на международной почве, но и фактически разжигают их, как это было на Манежной площади Москвы, Кондопоге и других местах, о чем идет речь в диссертации. Именно так недобросовестные должностные лица добиваются феноменальных «успехов» в снижении регистрации убийств и покушений на них (за I квартал 2017 года их число упало еще на 8,8%). Соискатель, взявшийся за столь деликатную, если не рискованную тему, должен, на наш взгляд, смелее высказывать свои суждения.

Высказанная критика не препятствует, тем не менее, выводу о том, что диссертационное исследование на тему «Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности» является самостоятельным законченным монографическим трудом по остро актуальной проблеме, содержащей в целом приемлемые рекомендации правоприменительным органам по ее решению. Основные положения, выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертации обладают существенной научной новизной. По своему содержанию и оформлению работа отвечает требованиям, заключенным в п.п. 9,10 раздела II Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09. 2013 г. № 842 (в действующей редакции), а Михаил Владимирович Ульянов, как ее автор, заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — «Уголовное право и кри-

минология; уголовно-исполнительное право».

Отзыв подготовлен доктором юридических наук, профессором, советником юстиции, профессором кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» С. Ф. Милюковым, обсужден и одобрен на ее заседании 18 апреля 2017 г. (протокол № 74).

**И. о. заведующего кафедрой
уголовного права ФГБОУ ВО
«Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена»
доктор юридических наук,
профессор**

Леонид Борисович Смирнов

18 апреля 2017 г.

Адрес: 191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 20.
Тел. +7(812)312-99-10. <http://www.herzen.spb.ru> mail@herzen.spb.ru

Подпись Л.Б. Смирнова заверяю: